

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Местные товарищи не обманули. В лесном массиве действительно солдат противника не оказалось. Впереди русло пересохшей речки обрамляли каменные столбы, валялись стволы деревьев, похожие на пехотинцев, побитых пулеметным огнем. Лунный свет обрисовывал валуны, серебрил макушки елей. Вражеские позиции на линии фронта остались позади — оперативники, словно ужи, обтекли пулеметные расчеты. Мишка Балабанов цеплялся за пятки шедшего впереди майора Владислава Дымова, ворчал, мол, не барское это дело — ползать за линию фронта. Резон в его стенаниях присутствовал — контрразведку СМЕРШ создавали не для того, чтобы ползать в тылу врага.

Дымов первым перебрался в русло пересохшей речки, прижался к валуну и поднял руку: замри! Кустарник за спиной безмолвствовал. Ночь была глубокая. На дворе начало мая 45-го, дело к лету, ночи становились теплее. Взмокла спина, Дымов расстегнул ворот брезентового балахона, подтянул лямки сползающего со спины рюкзака.

Передвигались в гражданской одежде, но полностью снаряженные. Давно забыли, что такое гражданская одежда, и ощущения были странные — чесалась спина, потели подмышки. На север простирался свободный от леса участок местности. Пересохшее русло речки находилось в низине, заваленной камнями. Чувство опасности пока не донимало. В дальнем лесу ухал филин, ветер шевелил верхушки деревьев. Противник отсутствовал. Прикрывать этот участок смысла не было — боевая техника здесь завязнет, пехота тоже не пройдет. «Сюрпризов» не опасались — линия фронта регулярно смещалась, устанавливать минные поля немцы не успевали.

Влад обернулся, махнул рукой, призывая оперативников следовать за ним, и двинулся дальше. Шел, пригибаясь, ощупывая препятствия под ногами. Использовать фонари побаивались. Подчиненные двинулись следом. Последний, пятый, кажется, Глазнев, замешкался — что-то потерял. Но нашел, засеменял за товарищами.

Половину открытого пространства преодолели беспрепятственно.

Ложись! — Влад махнул рукой и повалился на бок, прижав к плечу ремень «ППШ». Остальные последовали примеру командира. Включились органы чувств. Справа доносилась приглушенная речь, брэнчал металл. Говорили на латышском — двое или трое. Ничего удивительного, это Латвия, район прикрывал Латышский легион СС — вояки не особо бравые, но злые и

ЗЛОВЕЩИЙ ЛАБИРИНТ

патологически ненавидящие все русское. Снова пришлось лежать, сжимая зубы. Кто-то ругнулся в сердцах, последовал удар металла о металл. Распространенный способ ремонта сложных механических приспособлений. Завелся мотоциклетный мотор, затарахтел — сначала прерывисто, потом ровно. Вскоре транспортное средство удалилось. За ворохом еловых лап пролегала проселочная дорога.

Потерянное время наверстали, предприняв бросок к лесу. Пробежали по ворсистой траве, затем растворились в лесу. Момент был ответственный, Дымов переживал — людей из его отдела не обучали таким премудростям. Прыснул Балабанов, когда Потапенко, не заметив дерево по курсу, ударился об него и набил шишку на лбу. Он выразил сочувствие пострадавшему товарищу. Отличившийся огрызнулся, послал «молодого» по известному адресу.

— Может, помолчим, товарищи офицеры? — не выдержал Дымов. — Забыли, где находитесь?

— Виноваты, товарищ майор, исправимся, — пообещал старший лейтенант Балабанов — смешливый толстогубый паренек с прижатыми к голове ушами.

Тропа белела под ногами — извивалась змейкой, проваливалась в низины. Пока все шло как надо, латышские товарищи точно описали маршрут. В нем значилось и пересохшее русло речки, и тропа в сосняке, которую нашли без хлопот. Четыреста метров по лесу, с минималь-

ным числом препятствий — дальше образовался склон — весьма внушительный, заросший старыми елями. Здешняя природа не сильно отличалась от Алтайского края — родины Дымова. Отличались люди, их жизненный уклад, отношение к событиям в мире...

Предполагалось, что группа пройдет «вслепую» только три версты. Дальше ее встретят и позаботятся. На обгон пошел немногословный капитан Садовский — Влад вытянул руку, придержал товарища. Склон завершался изрытым подножием. Такое ощущение, что здесь потрудились какие-то гигантские кабаны. Лунный свет озарял округу. Живых существ в квадрате не наблюдалось. Оперативники рассредоточились вдоль кустарника, стали вести наблюдение. Возился Пушкарь, поправляя сползающий на землю вещмешок. Местность была открытая, но укрытий хватало. Пространство пересекали канавы и небольшие овраги, чернел кустарник. С курса не сбились — справа виднелись крыши заброшенного хутора. Лунный свет озарял перебитую изгородь, распахнутые ворота. Ориентир весьма примечательный. До цели оставалось метров семьсот — канавы, овраг, затем лесок слева, где дожидались партизаны...

Дальше шли в колонну по одному — риск нарваться на мину все же сохранялся. Дымов спустился в овраг, пробился через сухие колючки, вскарабкался наверх. Лес был в двух шагах — черный, негостеприимный, как и вся прибалтийская

ЗЛОВЕЩИЙ ЛАБИРИНТ

земля. Влад заполз за бугор, сжал прохладное це-
вье «ППШ» — так было спокойнее.

Округа не подавала признаков жизни. Если «комитет по встрече» засел в лесу, их должны были видеть. Но в трезвом уме никто на опушку не полезет. Еще неизвестно, кто тут находится.

— Уже можно, товарищ майор? — высунулся из оврага Мишка Балабанов.

— Сделай одолжение, — проворчал Влад.

Оперативник перекатился, пристроился рядом. Блеснули в полумраке острые зубы — Мишка хвастался, что может перекусить даже колючую проволоку. Но ни разу свое умение не демонстрировал.

— Вот видите, товарищ майор, ничего сложного...

— Не говори гоп, пока не перепрыгнешь, — прокряхтел коренастый капитан Садовский, обустроиваясь справа от Балабанова. Он грыз соломинку, всматривался в темноту. Выбрался капитан Потапенко — большой, крепко сбитый, немного неуклюжий, но обладающий завидной выносливостью. Он как-то примерил мундир эсэсовского офицера. Он сидел на нем как влитой. И немецким языком Потапенко владел — как, впрочем, и все остальные.

— Вперед, командир? — спросил, отдуваясь, капитан. — Чепуха осталась.

— Вперед, — согласился Дымов. — Только с трезвой головой и не гнать коней по бездорожью. Где остальные? Нужду справляют?

— Здесь мы, товарищ майор... — из оврага возник подтянутый дамский угодник старший лейтенант Алексей Пушкарь. Текущая прогулка не располагала к любовным томлениям — он весь измазлся жухлой листвой. Алексей грамотно перекатился, обосновался слева. Последним возник капитан Борис Глазнев — жилистый, невысокий, с холеным, но каким-то мутным лицом и такими же глазами.

— Расчет закончен, — бросил он, падая рядом с Пушкарем.

Больше всего на свете хотелось перекреститься! В то, что группа контрразведчиков безнаказанно пересечет линию фронта, верилось с трудом. Но самое страшное, похоже, одолели.

— Последний рывок, товарищи, — сообщил Влад. — Ползем широким фронтом, в случае опасности откатываемся во фланги. Не расслабляться, смотреть во все глаза.

— С богом, как водится, — пошутил Садовский.

Обошлось без комментариев. С Богом у советской власти отношения были сложные. Факт наличия Всевышнего категорически отвергался. Но случались моменты, когда до одури хотелось в него поверить.

Люди рассредоточились, поползли по сырой земле. Желание бегом преодолеть оставшиеся метры было нестерпимым. За кустами высился лес, довольно редкий, хотя и заваленный гни-

ЗЛОВЕЩИЙ ЛАБИРИНТ

ющей древесиной. Ершился подлесок, маскируя природные ловушки. Снова был овраг, его форсировали проворно, обследовав предварительно на наличие сюрпризов. Бурелом хрустел под ногами — идти без шума было невозможно. Ругнулся Потапенко — ветка ударила ему в голову. Что-то было не так, могли бы встретить на опушке, хотя кто их знает, этих мутных прибалтов. Хотя, возможно, они прошляпили что-то важное.

— Товарищ майор, там люди, — сдавленно сообщил Балабанов. — Ну, впереди...

— На месте, — скомандовал Дымов. — Ложись! — Он добежал до ближайшего дерева и присел.

Оперативники лежали в траве, готовили на всякий случай к бою оружие. За деревьями кто-то мелькал, перебежал человек, рядом завозился еще один. «Только прибыли, — подумал Влад, — не успели обустроиться».

— Товарищи, не стреляйте, свои! — с сильным прибалтийским акцентом крикнули из кустов.

— Слава богу, — проворчал Садовский.

— Латышские партизаны неторопливые, — тихо засмеялся Мишка. — Куда им спешить? Жизнь такая длинная.

— В Лиенае объявили штормовое предупреждение! — крикнул Дымов, выглядывая из-за дерева — ждал отзыва на пароль.

— Ладно, все ясно, — проворчал Потапенко и стал подниматься, уперся коленом в землю.

— Не спеши, — бросил Влад. — Эй, товарищи! В Лиепеае объявили штормовое предупреждение!

Из кустов простучала автоматная очередь! Заработали другие автоматы — МР-40. Сердце ушло в пятки. Пули выли над головой, срезали с дерева кору, ее ошметки посыпались за воротник. Оперативники ругались. Лежащий слева Глазнев послал в пространство очередь из «ППШ».

— Засада, командир, — прохрипел, отползая, Садовский.

Влад откатился в сторону от ствола дерева. А ведь помалкивало чутье! И лишь в последний момент, когда уже все было предрешено, изволило что-то сообщить...

Потапенко не внял совету, предпочел не возвращаться в лежачее положение. Он не был идеальной мишенью, но пулю поймал. Капитан хрипел, лежа на боку, вгрызаясь ногтями в землю. Ноги судорожно подрагивали. Дымов дополз до него, схватил за шиворот, стал отгаскивать в сторону. Откуда-то сверху свалился Мишка Балабанов, начал помогать. Раненого отволокли за пень, прижали лица к земле — пули фактически брили макушки голов.

— Товарищ майор, обманули нас... — сплюнув глиноземом, сказал Мишка. — Это не те люди, что должны были нас встретить.

Какая мудрая констатация факта!

— Держаться! — крикнул Дымов. — Занять круговую оборону!

ЗЛОВЕЩИЙ ЛАБИРИНТ

Самым лучшим выходом из этой ситуации было бы отступить. Но куда отступить? На опушку? И что дальше? А Потапенко куда девать? Бросать на произвол судьбы? Глазнев и Садовский вели плотный огонь. Боеприпасов пока хватало. Только ближе этих упырей не подпускать — иначе гранатами забросают! Справа завозился Пушкарь — подполз к дереву, приподнялся, обняв ствол. Дымов уже выдавал гневную отповедь, но Алексей отвел руку за спину, швырнул противопехотную гранату. Она перелетела через кустарник, взорвалась в слепой зоне. Взрывом вырвало из земли мелкий куст. Сомнительно, что осколки достали противника, но народ приободрился. Алексей, кашляя, отполз от дерева, а противник уже поливал огнем несчастную осину, с которой посыпалась едва проклюнувшаяся листва. Мелькали ноги Мишки Балабанова, он полз на правый фланг и вскоре уже строчил по едва заметному противнику.

Кто это был? Откуда? Кто предупредил? — возникали в голове вопросы.

Центром пятачка сопротивления становился раненый Потапенко. Офицеры сгрудились вокруг него, вели огонь, по возможности переползали. Раненый уже не дергался, но еще дышал. Не было возможности заняться перевязкой. Дымов находился в центре. Он лежал за мшистой кочкой и пальцами прогребал «амбразуру». Остался последний диск, он вбил его в паз автомата, оттянул затвор. О смерти даже думать не хотелось, не за

смертью они сюда шли. За деревьями мелькали смутные видимые фигуры, перекликались на латышском языке. Старые знакомцы из Латышского легиона СС! Их было немного, но преимущество оставалось за ними. Пока их сдерживали, заставляя прятаться. Добросить гранату латыши по-прежнему не могли. Впрочем, кто-то попытался, выбежал из-за осины, швырнул смертоносный боеприпас.

«Граната!» — проорал Садовский, и все уткнулись носами в землю. Прогремел взрыв, но граната не долетела, не страшно. Жаркая волна опалила голову. Воспользоваться дымовой завесой противнику не удалось. Офицеры дружно стреляли, кто-то вскрикнул, зарылся в бурелом. Садовский мстительно засмеялся — пусть гниет вместе с древесиной. Встречный огонь становился рваным. Но ситуация оставалась угрожающей. Противник снимался с центральной позиции, уходил во фланг. Двое пробежали за деревьями, залегли. Поднялись по очереди, сместились еще на несколько метров. Воспрепятствовать этому замыслу было невозможно. Противник подползал. Кто-то на несколько мгновений включил фонарь. Озарился узкий участок леса, свет резанул по глазам. Фонарь погас, смельчак откатился в сторону. Пули вспахали косогор, за которым он только что лежал.

— Командир, что делать? У нас патроны кончатся! — прокричал Садовский.

Влад решил.

ЗЛОВЕЩИЙ ЛАБИРИНТ

— Глазнев, Пушкарь, отгаскивайте раненого! Сзади у нас овраг, до него метров сорок! По пади — на запад! Мы вас прикроем! Да живее, каждая секунда на счету!

Рванула еще одна граната. Теперь уж ближе. Глазнев отвалился от дерева, взялся за голову, но обошлось. Подхватил упавший автомат, пополз в кусты, оставив пятую точку. И через мгновение стал вести оттуда беглый огонь. Раненого отгаскивали — он тихо стонал, ноги безжизненно волочились по земле. Отполз Садовский — видимо, выравнивал «линию фронта». Пот заливал глаза, Дымов яростно их тер, хватался за автомат, плевался огнем, снова тер. Цветные зайчики прыгали в глазах. Противник наседал, перебежали люди. Кто-то оступился, завяз в трухлявой древесине. Их было человек восемь плюс тактическое преимущество. Глазнев метнул последнюю гранату, то же сделал и Садовский. Разлетелись осколки, стали откатываться к оврагу. Раненого Потапенко уже спускали по склону. Трое пятились, оцетинились огнем. Невозможно ползти назад! Это то же самое, что корову заставить спуститься по лестнице! Садовский не выдержал, припустил бегом. Дымов что-то проорал, призывал подумать о здравом смысле — и когда в его сторону понеслись пули, Садовский повалился ничком, стал стрелять как ни в чем не бывало.

— Командир, Борис, бегите, прикрою!

Прикрытие было жалким, но несколько метров удалось пробежать. Узловатый корень вце-

пился в голень. Влад упал, едва не лишившись ребра, и стал лихорадочно искать выпавший из рук автомат. Упал и Глазнев, он извернулся в падении, повалился на собственный вещмешок. За спиной взорвалась граната, строчили автоматы, и встать не представлялось возможным. Но отметились в голове неумелые действия неприятеля. Враг допустил ошибку, заманивая группу в ловушку, бестолково расположил людей. И это не были кадровые военные, действующие четко и грамотно... Но кто сейчас вел против них бой, не имело значения — существование группы находилось под вопросом.

— Мужики, не вставайте! — гаркнул из оврага Пушкарь. — Ползите к нам, прикроем!

Эти двое ослушались приказа. Спустили Потапенко в овраг и вернулись на позиции. Может, и к лучшему. Они строчили, как одуревшие, толком не видя мишени. В кого-то попали, глухо охнул вражеский стрелок. Пули свистели над головой во всех направлениях и едва не сталкивались. Искра надежды вырваться из-под огня превратилась в огонек. Дымов пополз по-пластунски, поглядывал по сторонам: товарищи тоже ползли. Пока все живы. Провалилась земля под животом — он покатился в овраг, отбивая бока. Вскочил, игнорируя боль, стал карабкаться обратно. Все остальные, привалившись к склону, изводили последние боеприпасы. И что изменилось? Противник продолжал насесть. Теперь легионеры берегли патроны, стреляли одиночными.

Их стало меньше, но от этого ничего не менялось. Вырастали головы, раздражались вспышки выстрелов. Слева качнулся куст — из него выбрались двое, побежали к оврагу. Эти упрямцы настырно лезли во фланг. Дымов ударил длинной очередью, автомат уже перегрелся. Один из бегущих упал, впрочем, ненадолго, бросился с низкого старта за дерево. Второй присел, выжидал. До оврага им осталось метров десять — кто остановит? Еще немного, и беда обретет отчетливые очертания.

— Граната! — ахнул Балабанов. — Все вниз!

Очередной метатель выбежал из-за дерева, швырнул гранату. Как оказалось, лимонку — боеприпас серьезного разрушительного действия. Оперативники посыпались со склона, как горох из банки. Риск оказаться в зоне поражения осколков был большой, он мог добросить! Предательский страх закрался в душу. Кто-то врезал майору по челюсти сапогом, другой отдал руку — всем спасибо... Но метатель не добросил. Взрыв прогремел на краю оврага, еще полметра, и кучка трупов была бы обеспечена. Откололся край обрыва, оперативников завалило землей. Дико ругаясь, они вскочили, хватаясь за оружие. Голова кружилась, назревали проблемы с вестибулярным аппаратом. Внимание привлек капитан Потапенко, он лежал неподвижно, с приоткрытым ртом, не замечая, что туда забились глина. В приоткрытых глазах пустота. Сердце то-скливо сжалось.

— На запад, бегом! — прохрипел Дымов. — Потапенко не трогайте, он уже мертв.

Желание поквитаться за убитого просто выкручивало. Люди выли от злости. Но иногда надо и отступить. Неизвестно, как далеко бы они ушли (и ушли бы вообще). Наверху разгорелась интенсивная стрельба. Количество МР-40 явно прибыло. Кричали люди. В стороне посыпалась земля, скатились двое, остались лежать — видимо, те, что обходили с фланга. Преследование опергруппы прекратилось, у охотников возникли проблемы. Выжившие пустились наутек, затрещали ветки. Прогремели два взрыва, треск прекратился. И внезапно стало тихо. Настолько тихо, что было слышно, как ветер шелестит кронами. Офицеры переглядывались, держали на мушке гребень оврага. Мишка Балабанов яростно вычесывал глину из волос.

— Рассредоточиться, — прошептал Дымов. — Чего столпились?

Сотрудники отступали, прячась в расщелинах. «А ведь скоро утро, — подумал Влад. — Припозднились мы с этой войнушкой».

— Эй, живые есть? — прозвучал хрипловатый и неожиданно для оперативников женский голос.

— Найдем, если надо, — подумав, отозвался Влад.

— Мы свои, не бойтесь...

— Те тоже говорили, что они свои, — хмыкнул Садовский. — И чем закончилось?

ЗЛОВЕЩИЙ ЛАБИРИНТ

— В Лиепе на завтра объявлено штормовое предупреждение! — крикнул Дымов.

— Шторм уже был, завтра будет спокойная погода.

— Надо же, — оценил Садовский. — Угадала. Тебя не смущает, командир, что с нами разговаривает баба?

— Ладно, поднимаемся, — проворчал Влад. — Быть начеку, не расслабляться.

На краю обрыва стояли люди в штатском, увешанные оружием — кто-то в фуфайке, кто-то в пальто. Они тянули руки, помогали подняться. Встречающие проявляли сдержанность, скупно улыбались, отводили глаза. Кивнул в знак приветствия майору рослый мужчина в «геологической» штормовке. Грудь его крест-накрест была перетянута пулеметными лентами. На земле валялись мертвецы в немецкой форме. На корточках перед трупом сидел партизан в кепке, деловито перебирал содержимое ранца. Пятна света шныряли по земле, озаряли оскаленные зубы, выпученные мертвые глаза. Подошла женщина в драповой куртке, подпоясанная немецким ремнем, на котором висели советские подсумки и советская фляжка. Из-под кепки, насаженной на макушку, выбивались непослушные темные волосы. Блуждающий свет выхватил из мрака осунувшееся лицо, морщинки вокруг губ, красивые, но запавшие глаза. Особе было в районе сорока, она еще сохранила привлекательность.

— Здравствуйте, — произнесла она с акцентом. Русская речь в исполнении представителей прибалтийских народностей звучала интересно. Женщина с любопытством смотрела на статного светловолосого майора. — Просим прощения, что так случилось. Нам поручили вас встретить — передали точные координаты и время. Произошла неприятность — группу задержали в деревне Юлгаво, в одном из домов была устроена засада. Мы потеряли двадцать минут, потеряли одного человека. Считаем, что это не случайность, кто-то не хотел, чтобы мы пришли в этот квадрат. Эти люди знали, что вы появитесь, вас хотели уничтожить или захватить. В штабах партизанских отрядов есть лазутчики и провокаторы. Еще раз прошу простить, мы спешили как могли.

— Ничего, бывает. — Дымов чувствовал дурацкую неловкость. — Вы успели, мы вам признательны. Я могу поговорить с вашим командиром?

— Вы уже говорите, — в женском голосе звучали насмешливые нотки, заблестели глаза. Стали ухмыляться латышские партизаны. — Вас что-то удивляет? В нашей группе осталось одиннадцать человек, люди подчиняются мне независимо от того, нравится вам это или нет. — Женщина протянула узкую ладошку. — Меня зовут Анна Сауляйте.

Ее кожа была сухой и прохладной.

— Майор Дымов, — сухо отчитался Влад. — К сожалению, не могу раскрыть нашу ведомст-

ЗЛОВЕЩИЙ ЛАБИРИНТ

венную принадлежность и суть поставленных нам задач...

— Это лишнее, — перебила Анна. — Нам поручено вас встретить, сопроводить до Лиепай и оказать посильную помощь. Будем знакомы, майор Дымов. — Женщина, похоже, улыбнулась, сказать точнее было невозможно, лицо пряталось в тени. — Надо уходить и делать это срочно. В округе нет нацистов, по крайней мере по нашим сведениям. Но на хуторе Нейзе — это в четырех километрах на восток — стоит гарнизон солдат СС, они слышали выстрелы и могут скоро выступить. Будет неприятно, если нам отрежут дорогу. Надо пройти по лесу не меньше десяти километров. Вы должны представлять, что это значит.

— Да, Анна... Мы потеряли человека... вы же понимаете?

— Да, я понимаю, — кивнула женщина. — Постарайтесь уложиться в две минуты.

Группа понесла потери, но могло быть хуже. Видимо, сведения о заброске в немецкий тыл группы СМЕРШ попали в руки врагов. Думать об этом сейчас не имело смысла.

Погибшего Потапенко завернули в плащ-палатку, поместили в расщелину на дне оврага, завалили камнями.

— Временная мера, — объяснил своим подчиненным Влад. — Хоронить некогда. Освободим территорию — вернемся и похороним.

Постояли с непокрытыми головами, потом спохватились, полезли наверх, где латышские

партизаны проявляли признаки нетерпения. Пришлось перевооружиться — боезапас для «ППШ» практически иссяк. Офицеры избавляли мертвецов от автоматов «МР-40», набивали карманы и подсумки снаряженными патронами магазинами.

— Командир, здесь живой, — глухо сообщил Садовский.

Не было времени учинять допросы. Но люди подошли. Кряхтел светловолосый легионер в порванном френче, искаженная от боли физиономия лоснилась от пота. Огнестрельного ранения он не получил — оступился и неудачно ударился виском о сучок. Порвалась кожа, возможно, пострадал череп. Он потерял сознание, а теперь очнулся и полз за куст. Поняв, что погорел, мучительно застонал, откинул голову. Это был совсем молодой человек, он дрожал, губы беззвучно двигались. Говорить он не мог, горло отказало.

— Командир, нам некогда, — заволновался Садовский. — Пошел он к той-то матери, задание надо выполнять.

— Ладно, — сплюнул Влад. — Разберитесь с ним.

— Отлично, — обрадовался Пушкарь. — Рассмотрим дело в особом порядке с применением высшей меры наказания. За Костю Потапенко и всех остальных...

Пока он рассуждал, вразвалку подошел здоровяк с пулеметными лентами, оттер Балаба-

ЗЛОВЕЩИЙ ЛАБИРИНТ

нова плечом. Он опустился на колени, всадил эсэсовцу нож в горло и угрюмо наблюдал, как тот пучит глаза, испуская дух. Затем партизан поднялся и, ни на кого не глядя, побрел прочь.

Вскоре объединенная группа стала удаляться в лес.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Слабакам здесь было не место. Двигались в темпе — благо появилась незначительная видимость. Анна торопила, видимо, что-то чувствовала. Люди переходили на рысь, пот стекал по их лицам. Никто не роптал, молча сносили тяготы. Анна Сауляйте была не единственной женщиной в отряде. Имелась еще девушка в берете и форменном пальто — видимо, с плеча почтового служащего. Она не отличалась темпераментом, равнодушно поглядывала на советских военнослужащих. Когда девица споткнулась, Мишка Балабанов устремился ей на помощь, поддержал партизанку за локоть. Девушка отпрянула, уставилась на Мишку так, словно он ее пытался изнасиловать. Однако впоследствии он пару раз замечал на себе ее задумчивый взгляд и энергично ей подмигивал, ввергая бедняжку в ступор.

Через полчаса пути вышли на опушку. Распахнулся простор — вереница покатых холмов, отдельно стоящие деревья. У людей заплетались ноги. Анна Сауляйте, казалось, не устала, лишь

ЗЛОВЕЩИЙ ЛАБИРИНТ

забавно стряхивала с носа капельки пота. Дама обладала авторитетом, ее слушались.

Народ рассредоточился по кромке леса, люди переводили дыхание.

— Минута на отдых, — объявила Анна. — И бегом вперед. До леса меньше километра. А дальше будет проще, в тех лесах можно долго играть в прятки.

— Вы уверены, Анна? — засомневался Влад. — Если противник собирается перекрыть дорогу, то лучшего места, чем на этом участке, ему не найти.

— Нет, все в порядке, майор. — Она опять смахнула с носа капельку пота, недовольно поморщилась. — Мы должны успеть, дорога свободная. Но если протянем время, тогда будет трудно. Не перечьте, майор, здесь я командую, и мне виднее, как безопаснее всего вывести вас к Лиепеае... Так, все отдышались? Бегом!

Неслись со всех ног, словно соревновались, кто добежит быстрее. Перепрыгивали мелкие канавы, огибали скопления камней и невысокие холмы, похожие на курганы. Споткнулась девушка в берете (кажется, ее звали Илзе) и чуть не подвернула ногу. Мишка оказался тут как тут, схватил ее за шиворот, уберег от падения. Слов благодарности не дождался, но девчонка уже не шарахалась от него как черт от ладана.

И все же Анна просчиталась. За холмом посреди проселка стоял грузовичок-пикап с гитлеровским крестом на борту. Из кузова выгружа-

лись пехотинцы в форме вермахта, вооруженные новомодными штурмовыми винтовками Stg-44. Вояками командовал упитанный унтер. Нежданная встреча стала откровением для обеих сторон. Ругаясь, контрразведчики стали стаскивать висевшие за спинами автоматы. Отступить было поздно, даже остановиться не могли — настолько разогнались! Солдаты оторопели — они не привыкли действовать не по плану. И это замешательство было на руку отряду.

— Огонь! — закричал Дымов, высаживая из автомата порцию свинца.

То же самое закричала по-латышски Анна, первой открыла огонь, ухитряясь целиться на бегу. Это плохо кончилось, запутались ноги, женщина упала и покатилась по траве. Но остальные продолжали бежать и стрелять. Мелькали перед глазами посеревшие от страха лица солдат. Клацали затворы штурмовых винтовок, двое или трое успели выстрелить. Но встречный огонь был плотнее, у вояк не осталось шансов выжить. Половина из десятка фрицев сразу полегла, пал в траву нашпигованный пулями унтер. Водитель не успел выбраться из кабины, задергался от падавших в него пуль и повалился на сиденье.

Боец на «острие» атаки выхватил гранату, выдернул чеку и размахнулся. Идея была блестящей, но воплощение — отвратительным! Трудно без опыта, да на бегу. Он зацепил плечо бегущего рядом товарища, граната выпала из руки. Боец встал, как столб, уставился на гранату — его вес-

нушчатая физиономия побелела от страха. Дымов с истошным криком налетел на него, оттолкнул, чтобы не мешался, и пнул по гранате. На заре своей юности он увлекался футболом и, видимо, еще не растерял навыки. Граната умчалась по навесной траектории к грузовику, где и взорвалась. Попадали посеченные осколками солдаты. Двое шмыгнули за кузов, пытались улизнуть, но снова взорвалась граната, перелетевшая через кузов. Люди бежали без остановки, обтекали машину с двух сторон. Один из солдат еще пытался приподняться, его рука висела плетью, кровь заливала лицо. Пробегавший мимо здоровяк плюнул в него очередь из ручного пулемета — эта тяжелая штука в его руках-кувалдах смотрелась просто игрушкой. Беднягу отбросило, кровь из груди брызнула фонтаном.

Останавливаться не стали. Кучка людей двигалась дальше. Через три минуты сводная группа ворвалась в лес.

— Виксна, Рубенес, в головной дозор! — деловито скомандовала догнавшая подчиненных Анна. — Протаптывайте тропу!

Двое крепких партизан выдвинулись в голову колонны. Лес был смешанный, густой, насыщенный буреломом и отмирающей растительностью. Молодая листва уже облепила кустарники и деревья. Скорость передвижения упала, но группа упорно пробиралась через лес.

Оперативники помалкивали, мертвый Потапенко еще стоял перед глазами. Война заверша-

лась, а люди продолжали умирать — в этом была какая-то возмутительная вселенская несправедливость.

Анна догнала Дымова, какое-то время шла рядом, искоса поглядывая на офицера. Большой симпатии в ее глазах не было, но уважение чувствовалось.

— Признательна вам, майор. — Она улыбнулась, сухо и механически. — Я видела, как Улдис не справился с гранатой и едва не погубил многих из нас. Вы исправили его ошибку, причем весьма оригинально. Примите благодарность.

— Не стоит благодарить, Анна, — отмахнулся Дымов, — я и свою жизнь спасал. Часто возникают ситуации, когда голова не работает, действуют инстинкты. Этот случай из тех. Вы тоже достойны похвалы — грамотно командуете, поддерживаете дисциплину — несмотря на то, что вы... — Влад задумался, подбирая слово. Но не придумали еще других слов! Пришлось закончить как есть: — Несмотря на то, что вы женщина.

Анна рассмеялась — уже не так сухо.

— Вы замечательно выражаете свои мысли, майор Дымов. У нас еще будет время поговорить. До Лиепайи километров десять-двенадцать. До пригородов — еще меньше. Мы можем свернуть на запад, к морю, но передвигаться вдоль береговой полосы будет затруднительно. Лесами проще, уверяю вас. Возможно, к вечеру мы достигнем

нужного нам района. А сейчас прошу прощения, должна вас оставить.

Анна побежала в голову колонны. Дымов проводил ее взглядом. Женщины участвовали в войне, встречались и в боевых частях. Но чтобы женщина командовала мужчинами в боевой обстановке, а последние ее слушались — такое он видел впервые. С этой Европой было что-то не так...

Ближайшие планы провалились, как мартовский лед под ногами! Между деревьями забрезжил просвет. Люди оживились, ускорили шаг. Опыта ведения боевых действий им явно не хватало. Один из дозорных — молодой мужчина в рыбацком балахоне — в полный рост вышел из леса. Второй среагировал — ахнув, бросился наперерез, выставив ногу, повалил товарища, прижал к земле. Остальные присели, кто-то залег. Дымов перекатился в канаву, заскрипел зубами от досады. Рядом гримасничала Анна, сжимала кулаки. Положение становилось отчаянным. Недалеко от опушки стоял немецкий солдат в сдвинутой на затылок каске, грыз травинку. Рядом прохаживался еще один немец — рослый и плечистый. Оба были при полной амуниции, вооружены до зубов, на допниках за спиной крепились скрученные шинели. Это были часовые. За ними, в низине, стояли два грузовика. Один уже разгружался, солдаты вытягивались в цепь. Со второго немецкие военнослужащие с засученными рукавами стаскивали ящики, разобранный мино-

мет. Из низины доносился гул голосов. Первый солдат что-то заметил краем глаза. Он насторожился, взялся за автомат, стал всматриваться. Ноздри хищно раздувались. Он точно что-то заметил. Второй тоже проявил интерес, что-то спросил. Выслушав ответ, привел автомат в боевое положение, встал, расставив ноги. Партизаны, затаив дыхание, не шевелились. Плотный кустарник служил им защитой.

Какое-то время солдаты всматривались в даль. Первый собрался открыть огонь, передернул затвор. Напарник фрица начал его отговаривать, дескать, не пори горячку, людей всполошишь. Нет никого в лесу! Первый настаивал: он что-то видел! И неизвестно, чем бы закончился их разговор, но в этот момент с ветки взлетела крупная птица, вздрогнул кустарник. Ворона, тяжело махая крыльями, подалась через открытое пространство к отдельно стоящему дереву. Караульные проводили ее взглядами. Плечистый засмеялся, похлопал товарища по плечу. Второй расслабился, сплюнул. Часовые постояли еще немного, потом вразвалку двинулись вдоль опушки.

— Не шевелиться, — прошелестела команда Анны.

Женщина расслабилась, отдельные участки ее лица стали покрываться румянцем, другие оставались бледными.

— Есть еще чему поучиться, верно, Анна? — прошептал Влад.

ЗЛОВЕЩИЙ ЛАБИРИНТ

— Да, вы правы. Но мы не регулярное войско и часто допускаем ошибки. Это простительно, если не влечет за собой человеческие жертвы... Обстоятельства складываются не в нашу пользу, майор, вы это уже поняли. Идти назад мы не можем — тела у грузовика фашисты уже нашли, наверняка стянули силы и устроят облаву. Взвод перед нами тоже не будет сидеть на месте. К морю идти опасно, окажемся в капкане. Нужно двигаться только на восток, вдоль опушки, но мы отделимся от Лиепайи... чтобы потом к ней вернуться. Вас не ждут в Лиепайе неотложные дела?

— Дела потерпят, — скупое отозвался Дымов, — но недолго. Не позднее завтрашнего дня мы должны быть в городе. Но вы правы, повлиять на сложившуюся ситуацию трудно...

Люди стали отползать в лес — справиться со взводом вооруженных солдат маленькая группа была не готова. Только в лощине в глуши леса люди стали приходить в себя.

— Хлебнем мы с этими вояками горя, командир, — сокрушенно сказал Садовский. — Не удивлюсь, если выяснится, что они не ориентируются в этой местности.

Дымов промолчал.

Какое-то время группа шла на восток. Лощина сменилась морем колючего шиповника — пришлось его обходить. Лес уплотнялся, смена направления движения к добру не привела. Вырос черный ельник, приходилось гнуться в три погибели, чтобы пройти под его лапами. Потом в

течение двух часов обходили зловонное болото, проваливались в жижу по щиколотки. На привалах почти не говорили, восстанавливали силы. День прошел бездарно.

Пулеметчик Густавс, наплевав на субординацию, спорил с Анной: мы неправильно идем, просто стоим на месте! Откуда у нее эти ложные сведения? Он знает эти места, до войны работал егерем в северном заповеднике — и в толк не может взять, куда их ведет Анна! На западе река Кышка, можно пройти ее берегом и к вечеру добраться до Лиепаи. По ее же милости оказались в глухомани, где даже немцев нет! Мнения разделились. Сторонники Анны уверяли, что на Кышке выставлены посты, а саму реку патрулируют на катерах legionеры. И она поступает правильно, что ведет отряд в обход. Люди доказывали свою правоту, горячились, как дети.

— В товарищах согласия нет, — шепотом прокомментировал Садовский.

С латышским языком у Влада были серьезные проблемы, но отдельные слова он понимал.

— Какие горячие хлопцы, — лениво пробормотал, закрывая глаза, Глазнев. — А я вообще не понимаю, откуда здесь столько непроходимых лесов. Маленькая страна, клякса на карте...

Привалы становились длиннее, переходы короче. Мишка Балабанов подбирался к Илзе. Латыши взирали на него с осуждением, но это не могло остановить бойца. Однажды он с ней заговорил, и выяснилась страшная вещь: Илзе не

понимала русского языка, а Балабанов не знал латышского. Это обстоятельство несколько охладило пыл молодого человека, теперь он решал, как зайти с другой стороны. По крайней мере оперативник не скучал, ему было чем заняться.

Поздний вечер застал отряд в глухом лесу. Люди спустились в низину, Анна выставила посты. Женщина стояла на коленях между валунами, и в свете фонаря изучала мятую карту.

— Смотрите, майор, — она указала испачканным пальцем с аккуратно остриженным ногтем, — вот это хутор Разинве, мы прошли его полчаса назад — помните? Противника там нет, мирных жителей тоже, хутор опустел в ноябре прошлого года. Отсюда до Лиепайи одиннадцать километров. Если выступим до рассвета, то мы их быстро преодолеем.

— Для начала нужно попасть в город Ульве, — напомнил Влад.

— Да, я помню, — кивнула Анна. — Ульве — не город, а небольшой поселок, пригород Лиепайи. Он к югу от города, вот здесь. От города Ульве отделяет лесная полоса шириной в полтора километра. Завтра утром пойдем по лесу, а потом придумаем что-нибудь. Войск вокруг города немного, только полицейские части. Все боеспособные подразделения отправляются на юг, к линии фронта... Признаться, не понимаю, почему эта группировка еще сопротивляется. Вы в курсе, что сейчас происходит в Германии? Мы не получаем нужных сведений, работает

только немецкое радио, довольствуемся слухами...

— Да, вопрос важный, — согласился Дымов. — Немцы отчаянно сопротивляются, но лишь до того момента, пока это имеет смысл. Когда он пропадает, сопротивляются только фанатики — вроде тех же СС. Думаю, реализуются планы по эвакуации части гарнизона морским путем — например, в Швецию. Спасибо вам, Анна, что нянчитесь с нами. Без вашей помощи мы бы уже погибли.

— Не стоит, — отмахнулась женщина, — Мы просто выполняем приказ нашего центра.

К вечеру похолодало. Сгущалась темнота. Двигаться дальше не имело смысла. Партизаны резали еловые лапы, мастерили лежанки. В удобствах они не нуждались — чуток тепла, что-нибудь съесть. Все, не стоящие в карауле, собрались в лошине. Потрескивал костер, заглубленный в землю. Люди вынимали из ранцев и вещмешков нехитрую снедь, жадно жевали. Сухой паек у офицеров СМЕРШ пока не иссяк, и они открыли по банке. Молчали как-то неловко, партизаны опускали глаза. Даже великан Густавс стал застенчивым малым, смотрел в сторону. Оперативники держались особняком. Мишка Балабанов с затаенной грустью поглядывал на Илзе. Девушка сидела у костра, грела тонкие руки. Она сняла берет, волнистые волосы рассыпались по плечам. Девушка смотрела на огонь, казалось, сквозь пространство и время.

— Нужно ложиться спать, — произнесла Анна. — Выступаем перед рассветом. К обеду дойдем до Ульве. У вас дела в этом пригороде, я не ошибаюсь? В Ульве пойдете одни, мы будем ждать вас в лесу.

— Да, разумеется, — кивнул Дымов. — Было бы странно, если бы мы такой живописной компанией прошли по улицам городка. Будем признательны, если вы нас дождетесь и доведете до Лиэпаи. Мое руководство будет признательно вашему руководству.

Дымов замолчал. Присутствующие насторожились, вытянули шеи. Где-то далеко рокотала канонада, растекаясь, как весенний гром. «Может, и вправду гром? — подумал майор. — Вроде рано нашим переходить в наступление. Но что ему известно о планах высокого командования? Ему не объяснишь, что преждевременное наступление ставит под угрозу выполнение задачи какого-то там майора Дымова.

— Артиллерия ведет огонь, — пробормотал светловолосый ушастый парень. — Даже не верится, что скоро наша страна станет свободной... Совсем немного осталось...

— Если бы так, — вздохнула Анна. — Уверена, в обозримом будущем у нашей страны возникнут новые проблемы...

Дымов, в принципе, понял, о чем они говорят. Латыши тоже понимали русский язык, хотя не всегда могли сформулировать ответную мысль.

— С вашей страной будет полный порядок, товарищи, — уверил Влад. — Фашистов прогонят, буржуев-кровопийц отправят в места не столь отдаленные... Не совсем понимаю, почему вы называете Латвию страной. Латвия, как и Литва с Эстонией, станет союзной республикой в составе СССР. И вряд ли этот процесс будет затянут. В Риге давно пришли к соответствующему решению. И вам, как советским партизанам, это следовало бы знать...

— Мы не советские партизаны, — произнесла по-русски Анна.

— А какие? — оторопел Садовский.

Оперативники напряглись. Предательский холодок побежал по спине. Весь день майор Дымов чувствовал, что с этими борцами с гитлеровским режимом что-то не так. Уж больно прохладно они относились к людям, которым вызвались помочь. Немецкую сторону они не поддерживали, уничтожили засаду в лесу и при нападении на грузовую машину вели себя достойно. И все же с ними что-то было неладно. Даже Анна Сауляйте относилась к ним прохладно — улыбалась сухо, лишних слов не говорила.

Офицеры группы насторожились, подобрались, кое у кого рука потянулась к оружию. Бред какой-то...

— Анна, не прокомментируете свое заявление? — глухо спросил Дымов. — Что вы имели в виду?

— Все в порядке, — успокоила майора Анна. — Не надо хвататься за оружие, майор. Пусть ваши

люди успокоятся. Мы не советские партизаны, — повторила она. — Мы не поддерживаем политику вашей страны и не хотим входить в СССР, считая, что это губительно скажется на нашем народе. Но мы ненавидим нацистов, у каждого свои счеты к их режиму. Мы выступаем за свободу и независимость латвийского государства.

— Вы сейчас про насквозь прогнивший буржуазный строй? — ухмыльнулся Садовский. — При поддержке империалистов со всего мира?

— Мы не понимаем таких слов, — качнула головой Анна. В ее глазах стало появляться протестное, гневное выражение. — Мы хотим свободы, не хотим быть оккупированными другими странами. Наше движение подчиняется латвийскому Центральному Совету — высшему органу власти государства... хоть он и находится в подполье.

— Ну, что ж, откровенно, — хмыкнул Влад. Рука нащупала-таки казенник автомата, неуверенно его погладила.

Товарищи угрюмо смотрели на командира: мол, какие действия, товарищ майор? Будем биться до последней капли крови?

— Вы не понимаете, — поморщилась Анна. — Наши убеждения на данном этапе не несут вам угрозы. Вас не сдадут в СС — стали бы мы тогда вам помогать и спасать от смерти? Мы союзники, пусть и временные. Других союзников сейчас нет, англичане и американцы далеко. Враг у нас один — нацистская Германия. Вы можете на нас

положиться, мы выполним свои обязательства. Заключен договор с руководством советских партизанских отрядов — мы обязались им помочь. Они, в свою очередь, в долгу не останутся. Своих людей они выделить не смогли по простой причине — в этом районе их всех уничтожили. Вам не о чем беспокоиться, в наших отношениях ничего не меняется. Мы не скрываем, кто мы такие, просто никто не спрашивал...

Присутствующие продолжали молчать. Конопатый Улдис ложкой выскребывал остатки рыбы из консервной банки. Глазнев и Пушкарь исподлобья смотрели на командира: что за дела, товарищ майор? Эти люди притворяются своими, а в критический момент — нож в спину? Дымов так не считал, он неплохо разбирался в людях. Нормальные ребята, просто мозги у них замусорены буржуазной пропагандой. Запутались, не в том направлении движутся. Жизнь расставит все по местам, поймут, что такое хорошо, а что такое плохо. Сами не осознают своей выгоды — добровольно примкнуть к самому мощному в мире государству, вооруженному передовой идеологией...

— Нацисты в прошлом году убили у Анны мужа, — подняв голову, произнес здоровяк Густавс. Он говорил по-русски, но с чудовищным акцентом. — Это были наши, латыши, из местного легиона. Проводили облаву на подполье, хватали всех подряд. Потом стреляли людей — просто так, без причины, чтобы боялись. Анны

не было тогда в городе... У меня убили мать, просто задавили танком, когда она пошла в магазин... Валлис потерял невесту — ее изнасиловали и застрелили пьяные солдаты. У Кристапа убили всю семью, сожгли дом — он смог добраться до леса и месяц лечил ожоги... Возьми любого человека — каждый кого-то и что-то потерял...

— Мы знаем, что у вашей страны потери еще ужаснее, — тихо сказала Анна. — У вас погибли многие миллионы... Повторяю, у нас один враг, с ним надо покончить, а потом думать, как устраивать жизнь... Мы разрешили недоразумение, майор?

— Нет никаких проблем, — пожал плечами Дымов. — Вы имеете полное право на свои убеждения... если они не противоречат нашим целям. Все в порядке, Анна, будем считать, что вы ничего не говорили. И... примите сочувствия по поводу ваших утрат.

Пламя подсело — в огонь забыли добавить дрова. Глухая тьма накрыла лес. Глухо ворчала ночная птица — словно ей сдавили горло и заставили извлекать «певчие» звуки. Илзе окаменела — смотрела на гаснущий костер и не шевелилась. На нее опять с любопытством уставился Мишка Балабанов. Вникать в перипетии международных отношений парень не рвался. Хотелось многое сказать, но Дымов прикусил язык. Бог с ними — с их «свободой и независимостью». Откуда такая наивность? Красная армия катком прокатилась по Латвии. Не будут советские

власти прислушиваться к лепету какого-то центра, кормящегося с руки буржуазных стран. Не для того отхватили пол-Европы. К тому же эта территория уже была советской. Польша тоже рассчитывала на самостоятельность — большая, густонаселенная, с антисоветской позицией. И где она теперь? Стоит ли говорить о какой-то Латвии?

— Насколько вы готовы нам помочь, Анна? — спросил Влад. — Не думаю, что ваше руководство дало добро на безграничное содействие нам.

— Есть приказ довести до Лиепай группу военнослужащих Красной армии. Зачем вам туда — не наше дело. Мы должны обеспечить вашу безопасность в пути. Дальше будете действовать самостоятельно. Возможно, в Лиепе вам удастся связаться со своим подпольем. Мы не знаем имен и адресов. На случай, если столкнетесь с трудностями... — Анна поколебалась, переглянула с мужчиной в годах по имени Кристап. Тот задумался, но все же кивнул. — Запомните адрес в Лиепе. Улица Лицене, четырнадцать. Там наши люди — они подчиняются ЛЦС. Условная фраза: «Вы заказывали доставку дров из Павилосты?» Отзыв: «Нет, спасибо, мы уже договорились с другими поставщиками». Запомните имена: Рамона Вентьяре, Андерс Смилга, Ивар Зиндерс. Не думаю, что они окажут вам всю необходимую помощь, но попробуйте договориться. Сошлитесь на меня. Наше руководство не возражало против того, чтобы свести

вас с этими людьми. Они не провокаторы и не тайные осведомители гестапо. Надеюсь, у вас хватит порядочности не подставлять наших людей под удар.

— Разумеется, Анна, будем действовать деликатно.

— Хорошо, — вздохнула женщина. — В таком случае предлагаю не терять время, отпущенное на сон. Через шесть часов выступаем. Кристап, реши вопрос с дежурными, пусть караулят по часу.

Он долго не мог уснуть — ворочался, смотрел в иссиня-черное небо. Приближалось лето — прохлада не беспокоила, стих ветер, на небе ни облачка, только мириады подмигивающих звезд. А еще луна, которую закрыли кроны сосен, но свет ее — тускло-серебристый — расплзался по земле.

Под боком посапывал Пушкарь, вертелся и кряхтел старший лейтенант Балабанов. Садовский помалкивал, то ли спал, то ли притворился, что дрыхнет.

— Командир, мы настолько беспечны, что уснем? — прошептал на ухо Дымову Глазнев после того, как все партизаны расплзлись по лежанкам. — Где наша хваленая бдительность? Эти люди очень подозрительны. Допускаю, что временно нам по пути, но это же враги, понимаешь? Что у них на уме? Они же генетически ненавидят коммунистов и Советский Союз.

Дымов так не думал, но определенный риск в сотрудничестве с отрядом Анны признавал.

— Тогда сиди и отстреливайся, — отрезал он. — Делай вид, что твой организм не нуждается в сне. Толкнешь меня через пару часов, а я потом этих толкну...

Он засыпал, но тут же просыпался. В голову лезла всякая всячина. Предместье большого алтайского города, где он родился и в семилетнем возрасте стал свидетелем того, как рухнул старый мир. Вихри враждебные веяли в буквально смысле — в память врезался безумный ураган, разметавший повозки беженцев, покидающих пылающий город. Потом повсюду хлопали выстрелы, кричали люди. Женщина с растрепанными волосами волокла его по буеракам, потом он сам бежал, крича от страха. Ясно помнился взрыв и как он остался один. Кто была эта женщина? Мама, родственница, просто незнакомая сердобольная тетечка? Его нашли в траве люди с винтовками и красными повязками на рукавах и отвезли в ближайший приют. Психика восстановилась, но все события до этого дня стерлись из памяти начисто. Георгий Дымов, как выяснилось позднее, был директором гимназии — не «белая кровь», не презренный буржуй. Но и не сказать что классово близкий товарищ. Следы его затерялись — видимо, похоронили в братской могиле, не особо интересуясь личностью. Жена его скончалась от чахотки еще в 16-м году — значит, растрепанная женщина была не мамой. Вырос не тот человек,

что мог бы вырасти. Детский дом, потом приемная семья на Тамбовщине, семеро по лавкам. Налет кулацкой банды отпечатался в голове с потрясающей четкостью. Ржушие кони, матюги из всех орущих ртов, горящие избы. Выжили в селе, решившем поддержать советскую власть, немногие, погибли приемные родители... Оттого и пошел после срочной службы в милицию — давить уголовную нечисть. Потом ОГПУ, НКВД, специальная школа упомянутого ведомства. В стране творилось черт-те что, все проблемы списывали на врагов народа, которые чересчур активизировались. Голова отказывалась понимать — откуда столько врагов? Многих из них он прекрасно знал — они никогда не посещали тайные антисоветские кружки — однако сухие строчки уголовных дел утверждали обратное. Дымов участвовал во всем этом, старался не задумываться о происходящем, дослужился до старшего оперуполномоченного, готовился возглавить отдел. Товарищ шепнул: на днях за тобой придут — накапала на тебя одна гнида. Отказывался верить. Возможно, напрасно. Но судьба вывела из-под удара — причем оригинальным способом. В транспортном происшествии на мосту пострадали несколько машин. У полуторки, несшейся с бешеной скоростью, отказали тормоза. Она снесла несколько транспортных средств, проломилла ограждение. Взорвался бензовоз, оказавшийся там же. Погибли сослуживцы, ехавшие с Дымовым в одной машине. Когда его тело, прибывшееся к опоре

моста, извлекли из воды, он был почти труп. Но кто-то сжалился: вместо морга отправили в больницу. Куча переломов, сотрясение мозга, рваные раны по всему телу... Первый месяц он почти не приходил в сознание. Уголовное дело против Дымова решили не заводить — к чему такие сложности? Хватает и здоровых ни в чем не повинных людей...

Восстанавливался долго, мучительно. Врачи говорили: со службой придется завязывать. Только в 40-м году, когда схлынул вал репрессий, вернулся на старое место работы. Карьера полетела в тартарары, личная жизнь не складывалась. Работу подсовывали в основном бумажную. Через год здоровье восстановилось, организм оказался крепким, справился.

Началась война... И снова все пошло кувырком! Управление рабоче-крестьянской милиции под Брянском, где Дымов замещал начальника, в полном составе (кто выжил) перебралось в леса, примкнуло к партизанам. Были котлы, прорывы из окружения, триумфальный выход к своим. Служба в военной контрразведке, тогда еще входящей в НКВД. Позже особые отделы вывели из подчинения Берии и передали их в состав наркомата обороны, дав грозное название СМЕРШ. Оно наводило ужас на чужих и на своих. Потом был Ленинградский фронт, освобождение Белоруссии, Прибалтики...

Операция по освобождению Латвии началась 14 сентября 44-го года. Сопротивление

было упорным, немцы выстроили в балтийской республике глубоко эшелонированную линию обороны. В течение месяца войска 1-го Прибалтийского фронта прогрызали оборону и теснили 16-ю и 18-ю армии вермахта — прекрасно вооруженные и подготовленные. 20 сентября в бой вступила 3-я танковая армия генерал-полковника Эрхарда Рауса, но это уже не могло повлиять на положение дел. К 13 октября войска прорвали последние рубежи обороны перед Ригой и через день взяли город, а затем приступили к преследованию противника в Курляндии. Крупная немецкая группировка была блокирована на Курляндском полуострове — в западной части Латвии. Немцы оттянули туда основные боеспособные части. Без сна работали авиация и подводные лодки Балтийского флота, затрудняя снабжение противника продовольствием и боеприпасами через Рижский залив. Образовался Курляндский котел, выход из которого был только по морю — через порты Лиепай и Вентспилса...

И вот тут произошло необъяснимое. С ходу прорвать оборону не удалось, части Красной армии отошли на исходные позиции. На полуострове скопилась мощная 200-тысячная группировка — остатки 3-й танковой армии, 16-я и 18-я армии группы «Север», латышские легионеры СС. Тем не менее Красная армия имела превосходство в людях и технике. Удары наносились ожесточенные — в направлении Лиепай, вдоль побережья Рижского залива, на всех участ-

ках 200-километрового фронта. Немцы держали оборону, отбивали атаки. Силы группировки подпитывались поставками по Балтийскому морю — тогда еще положение Германии было не настолько критичным. Советское командование упорствовало, методично пытались взломать оборону. На всем участке фронта от Лиепаи до Тукумса шли тяжелые бои. Пленные рассказывали, что руководство вермахта настроено решительно, солдаты мотивированы, ожидается прибытие крупного десанта — чтобы погнать Красную армию обратно в Ригу и далее. Военные верят в «вундерваффе» — чудо-оружие фюрера, которое вот-вот появится и переломит ход войны. В соседней Литве войска давно вышли к побережью Балтики, а Курляндский котел все держался. С осени по май 45-го советские войска шесть раз предпринимали полномасштабные попытки покончить с окруженной немецкой группировкой и всякие раз терпели неудачу. Армия несла серьезные потери. Отдельные населенные пункты по несколько раз переходили из рук в руки. Удалось продвинуться лишь на несколько километров. Площадь котла составляла 15 тысяч квадратных километров, внутри — множество населенных пунктов, глухие леса. Протяженная береговая линия включала территорию нескольких портов. Вражеской группировкой командовал генерал Карл Гильперт — мастер тактического дела. Он умело выстроил оборону, манипулировал резервами, освободил аквато-

рию портов от советских кораблей и субмарин. К маю 45-го года группировка в котле понесла потери, но еще представляла серьезную силу. Латышским легионерам и 6-му армейскому корпусу СС отступить было некуда — и это усиливало их решимость сопротивляться. Ситуация сложилась абсурдная. Поставки осажденным с «большой земли» давно прекратились. Такое ощущение, что они не знали, что происходит в мире. Пала Европа, пала Германия, советские части взяли рейхстаг, подбирались к канцелярии Гитлера. Да и сам фюрер, согласно поступившей информации, приказал долго жить! Сопротивление не имело смысла, только плодило жертвы. Но Курляндия держалась и сдаваться не хотела. Это была последняя столь масштабная группировка немецких войск на европейском театре военных действий. «Не повезло нам, — шутили бойцы и командиры, — везде войне конец, а у нас только начало». Подходили подкрепления, формировался ударный кулак, решительное наступление могло начаться со дня на день...

Встреча с руководством армейской контрразведки состоялась позавчера. От обилия звезд на погонах кружилась голова. Из всех присутствующих Дымов знал лишь полковника Барыкина — своего непосредственного начальника. Из Лиепай поступил сигнал, его проверили, убедились в достоверности и заволновались. Тема не представляла интереса в военном плане, но имела непосредственное отношение к государст-

венной безопасности. Полковник в очках прочитал майору популярную лекцию. Часть представленного материала была знакома, об остальном он впервые слышал. Много лет немецкие (и не только) ученые ищут способы воздействия на мозг и психику человека. Психотехническая психология... но лучше простому майору не лезть в заумные дебри. Существуют препараты, способные воздействовать не только на мозг, но и на тело. Чистый мескалин европейцы синтезировали еще в XIX веке. Позднее его применяли в психотерапевтической работе с людьми, потом задумались о применении в войсках. «Мескалиновое опьянение» — презабавная штука. В лабораториях продолжалась работа, возник препарат первитин — производное амфетамина, белое кристаллическое вещество без запаха, но с горьким вкусом. Выпуск препарата наладила еще до войны фармацевтическая промышленность. В войну его стали использовать как стимулирующее средство. Поначалу таблетки выдавали летчикам, танкистам, разведчикам — а потом всем, без разбора. За годы войны немецкая промышленность произвела 200 миллионов таблеток первитина. Фактически — наркотик, на него подсаживались, без него не могли воевать. Первитин мощно стимулировал организм, после принятой таблетки люди чувствовали прилив сил, эйфорию, им долгое время не требовался отдых, даже отсутствовала потребность в сне. Они могли не есть, не пить и продолжительное время выпол-